

НЕБЕСНЫЙ ЦВЕТ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

Слово об Анне Ахматовой, духовном чаде двух старцев — преподобного Нектария Оптинского и схиепископа Нектария Русского

В 45-ю годовщину со дня кончины русской православной поэтессы Анны Андреевны Ахматовой (1889 + 1966) как-то пронзительнее и ярче, как-то по-особенному ясно звучат для нас ее стихи из далекого 1914 года, не публиковавшиеся в прижизненных сборниках.

*Я любимого нигде не встретила,
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
Да, Отец, — Твоя земля прекрасна.
Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пелитицы томные,
А в родной стране от ласки инея
Побелели сразу косы темные.
Там в глухих скитах монахи*

*молятся
Длинными молитвами
искусными...
Знаю я, когда земля расколется,
Поглядишь Ты вниз очами
грустными.*

*Я завет Твой, Господи, исполнила
И на зов Твой радостно ответила,
На Твоей земле я все запомнила
И любимого нигде не встретила.*

Стихи теперь уже отсюда, из мира горного, привнесенные Святым животворящим Духом и воспринятые духом человека, прорывающего свой необычный путь. Тем сладостнее и утвердительно звучат для нас сегодня неоспоримые слова Старца Николая (Гурьянова), тайновидца многих душ, прибегавших к нему за утешением: «Я хорошо знал Анну Ахматову. Она монахиней была. Великая страдалница и молитвенница. Прозорливая старца-провидица... Бога любила, и Он ее слышал и многое ей открывал... Очень честная и правдивая душа у нее была. Покаяние глубокое... Монахиня...» (Схимонахиня Николая «Царственная птица взывает к Богу», М.: Русский Вестник, с. 149).

«ПОМОЛИСЬ О НИЩЕЙ, О ПОТЕРЯННОЙ...»

В таинственной жизни А. А. Ахматовой, рабы Божией Анны — так определил ей Господь — было несколько человек, носивших победительное имя Святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца. Боговенчанный супруг, православный поэт и воин Николай Гумилев, мистический друг, поэт и литературовед Николай Недоброво, довольно рано отошедшие ко Господу, и... Старец Николай (Гурьянов) — в тайной схиме Епископ Нектарий. Даже отпевали Анну Андреевну, как дочь морского офицера, в Морском Никольском Соборе Петербурга.

Как записала со слов Старца его верная келейница матушка Николая (Гроян): А. А. Ахматова «была знакома с отцом Николаем, прибегала к его молитвенному покрову и не раз встречалась с ним в Петербурге <...>. Они переписывались. Анна Андреевна исповедовалась у отца Николая, даже в письмах...». Батюшка несканзано скорбел, по свидетельству матушки, что у него выкрали в 70-е годы XX века на острове Талабск из кельи письма Ахматовой к нему.

Когда же возникло это духовное родство, это полное сакральное смысла знакомство между прозорливым Старцем Николаем и рабой Божией Анной, которая была старше его на 20 лет?

Возможно, что и в конце 20-х годов в Петрограде, когда повсюду уже рушился привычный Русский Мир, и юный инок, не страшась, подобно Иоанну Крестителю, да и своему Небесному заступ-

нику — Святителю Николаю, обличал деяния сатанистов-разрушителей. Считанные годы отделяли Батюшку от рокового 1929-го, когда он «стал переезжать из санатория в санаторий», из тюрьмы в тюрьму.

Книги же Анны Ахматовой, которую К. И. Чуковский называл «последним и единственным поэтом православия» («Две Рос-

Старец Нектарий Оптинский

сии», 1921), еще издавались. И все еще были доступны читателю и ее «Белая стая» (1917), и ее «Подорожник» (1921), и ее «Anno Domini» (1921). До 1925 года, когда вступила в силу закрытая Резолюция ЦК, запрещающая публикацию ее стихов.

Если предположить, что именно незадолго до ареста Старца Николая произошла судьбоносная встреча этих двух русских людей, пусть и на короткое время, то вполне был бы оправданным и вопрос: что их сближало?

Первое и главное, это, несомненно, Царская Россия, имперская культура, к которой имели честь принадлежать и Старец, и Поэт. Второе, предначертанный обоим жребий духовного писательства, странничества и те **Кресты**, что Господь дал каждому из них понести в земной жизни во имя личного Спасения. Причем, именно на этих путях крестных Старцу и Поэту суждено было встретиться для того, чтобы одному — благословлять на стойкость и терпение, а другой, будучи духовно окормляемой, выпестовать свое, «победившее смерть Слово». Слово Жизни.

В тяжелом 1925-ом, начинающая осознавать бесконечный ужас потерь, Анна Ахматова напишет:

*Так просто можно жизнь
покинуть эту,
Бездумно и безвольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.*

*Всего верней свинец душе
крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою
косматой
Из сердца, как из губки,
выжмет жизнь.*

Знала ли она тогда, что этот, во Духе открытый ей образ жизни, этот вид крестоношения русского поэта-сладкопевца середины 20-х годов, лишь превосходит путь, еще более мучительный, который станет для самой Ахматовой подобно длительной, растянувшейся на годы пытке.

*...Наградили меня немостою,
На весь мир окаянно кляня,
Окормили меня клеветою,
Опоили отравой меня.
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любомне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить
площадям.*

Напишет она, словно подводя итог своим скорбям, в 1959-ом. Эти строки свидетельствуют несомненно еще об одном общем подвиге Старца и Поэта, подвиге юродства, подвиге нищелюбия, подвиге ношения риз хулы и напраслины. До самого смертного часа. Впрочем, и посмертно — тоже.

Тема нищелюбия, в раскрытии которой ярко отразился религиозный характер исканий Поэта, появляется в творчестве Анны Андреевны уже в книге «Четки», где голосом «человека Божьего», нищего странника, пророчески сама Ахматова:

*Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной
тиши...*

*Но страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.
Так много нищих. Будьте
же нищей.*

Или:

*Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом.
И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.*

«КАК ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ НА СНЕГУ...»

Чуткий современник Ахматовой, поэт Мандельштам, увидев в ее духовном образе нечто большее, чем было принято замечать мифотворцами, написал:

*Как черный ангел на снегу,
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу,
Что на тебе печать Господня.
Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше —
Что кажется: в церковной нише
Тебе назначено стоять...*

А прозорливый Старец Николай, вспоминая Анну Андреевну, говорил о ней так: «Жизнь ее была целеустремленной, всегда к Богу, к Небу... Ее творчество было пророческим служением, оно оказывало огромное благодатное влияние на души людей во времена безбожия». (Схимонахиня Николая «Царственная птица взывает к Богу», с. 153). Поистине, у нее перед Богом и русским читателем была своя, особая миссия.

Если дворянство, к которому принадлежала Ахматова, как словесие, считалось «цветом» русского общества (вспомните слова Цветаевой: «Люблю дворянство и народ — цветение и корни!»), то небесный оттенок этому собранию кринов благоуханных, безусловно, могли сообщить только те, кто нес в себе и исполнял заповеди дворянского благочестия: был молитвенным, милосердным, жерт-

венным. Уже с первых веков христианства на Руси история возложила на представителей высшего круга подвиг суровый — «аристократическую ответственность за судьбу древнего идеала христианской женственности», иными словами — «стоять свечою на подсвечнике и светить всем в доме» (Т. Манухина «Св. благ. кн. Анна Кашинская», Париж, 1954).

Монахиня Досифея (урожд. кн. Тараканова), святая благоверная княгиня Анна Кашинская, блаженная Ксения Петербургская, игуменья Спасо-Бородинской обители Мария (Тучкова)... Список может быть намного длиннее, но сегодня мы вычленим из него только одно имя — А. А. Ахматовой, вполне справившейся с возложенной на нее ответственностью.

Преподобный Симеон Новый Богослов учит, что святые взаимно связаны друг с другом неразрывной небесной силой. «<...> святые, будучи соединяемы Союзом Святого Духа, подобно Ангелам, образуют золотую цепь, в которой каждый, как звено, соединяется с предыдущим святым посредством веры, добрых дел и любви». То есть, уже при жизни святые люди — старцы — как бы «передают» нас друг другу, по мере возрастания нашей нужды в духовном руководителе.

Так было и в жизни А. А. Ахматовой. Прежде, чем исповедоваться молитвенному Старцу Николаю (Гурьянову), в тайной схиме Епископу Нектария, «Анна Сретенская», как называла себя поэтесса, припала к ногам одного из последних Оптинских старцев, Нектария (Тихонова), чье мирское имя было также Николай...

Словно предчувствуя встречу с ним, или с кем-то другим, более высоким по духовному званию, Ахматова в 1914-ом написала пророческие и лишь на первый взгляд «странные» стихи, и отправила их мужу, Н. С. Гумилеву, в письме из Слепнева:

*Подожла я к сосновому лесу,
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый
и кроткий.*

*Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.
Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному Крину,
Будешь, хворая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».
Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном веселье,
И дивясь, и радуясь много.*

А до встречи со Старцем Нектарием Оптинским оставалось каких-нибудь восемь лет... Впрочем, и все остальное, о чем написала Поэт в этом стихотворении, также сбылось. И смертельная, но отступившая болезнь, и жизнь по чужим углам, и блаженная кончина в доме, на фронтоне которого было выбито столь для нее привычное: «Бог хранит всё».

А. А. Ахматова навсегда оставила в своем сердце добрые и утешные воспоминания об Оптиной пу-

стине, свет

которых наполняет и ее «При-

читание» («Господи поклонитесь во Святом дворе Его»), и «Серверные элегии» («А в Оптиной мне больше не бывать...»), и «Предсказание» («Видел я тот венец златокованный...»). Когда Старец Нектарий, окормлявший к 1922 году и поэтессу Надежду Павлович, и художника Льва Бруни, и его супругу — Нину Бальмонт, и артиста Михаила Чехова, прочитал стихи Ахматовой «Повсюду клевета сопутствовала мне», опубликованные в альманахе «Феникс», он сказал Л. А. Бруни: «Она достойна... и праведна... приехать в Оптину пустынь. Тут для нее две комнаты есть свободные» (Схимонахиня Николая «Царственная птица взывает к Богу», с. 150)...

Бесспорно, все то, что прикровенно открыл Старец Нектарий (Тихонов) алчущей правды рабе Божией Анне, нашло отражение и в ее творчестве. К примеру, вот как, по воспоминаниям одного из духовных чад Старца, он говорил об **Искусстве**: «В мире есть свет и звуки. Художник, писатель кладет их на холст или на бумагу и этим убивает. Свет превращается в цвет, звук в надпись... Картины, книги, ноты — гробницы света и звука, гробницы смысла. Но приходит зритель, читатель — и воскрешает погребенное. Так завершается круг искусства. Но так с **малым искусством**. А есть великое, есть слово, которое живет и умерщвляет, псалмы Давида, например, но к этому искусству один путь — путь подвига» (Митрополит Вениамин (Федченков) «Божьи люди», М.: Отчий дом, с. 164). А о **Фаворском**, преображающем всё вокруг, **свете**: «Это такой свет, когда он появляется, все в комнате им полно, — и за зеркалом светло, и под диваном... и на столе каждая трещинка изнутри светится. В этом свете нет никакой тени».

За 10 лет до встречи со Старцем Нектарием Оптинским 23-летняя и в общем-то ещё благополучная Анна Андреевна, путешествовавшая в то время по Италии, написала очень созвучные сказанному иеромонахом Нектарием строки:

*В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.
Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?*

Именно способность видеть духовным оком этот Свет и привела Поэта, желавшего понять Промысел Божий о себе, в Оптину пустынь.

Людмила СКАТОВА
(Окончание следует)